

Оглавление

Пролог	7
1. Сумрачные дни.....	11
2. Серое море	35
3. В темноте	54
4. Небесный дух.....	69
5. Темные тайны.....	99
6. Ступая по крови	129
7. Кровоточащее сердце	146
8. Без надежды	162
9. Ржавчина на золоте	177
10. Скиталец	200
11. Паладин дьявола	222
12. Те, что могут видеть	239
13. Ангелы среди облаков	267
14. Вся правда	283
15. Горькие плоды	303
16. Полуночные колокола	322
17. Искра во мраке	345
18. Кривое зеркало	370
19. Следы страдания	392
20. Железное сердце	423
21. Под зловещей луной	453
22. Пучина злобы	470
23. Песнь любви	499
24. Гаснет пламя	523

25. Свирепый вихрь	553
26. День сожалений	577
Интерлюдия. Горе	606
27. В серой мгле	612
28. Приливы Темзы	638
29. От света прочь	661
30. Древняя земля	683
31. Светлый туман	703
32. Любые боги	717
33. Павшая твердыня	738
34. Общение	761
35. Окрыленный молниями	792
Кода	815
Эпилог	820
Примечания автора	850
Смерть одна разлучит меня с тобою	851

*Посвящается Эмили и Джеду.
Я рада, что вы наконец
поженились*

Надо уметь переносить то, чего нельзя избежать. Наша жизнь, подобно мировой гармонии, складывается из вещей противоположных, из разнообразных музыкальных тонов, сладостных и грубых, высоких и низких, мягких и суровых. Что смог бы создать музыкант, предпочитающий лишь одни тона и отвергающий другие? Он должен уметь пользоваться всеми вместе и смешивать их. Так должно быть и у нас с радостями и бедами, составляющими нашу жизнь. Само существо наше немислимо без этого смешения: тут необходимо звучание и той и другой струны.

Мишель де Монтень, «Опыт»¹

¹ Пер. Н. Я. Рыковой.

Пролог

Позже Джеймс смог вспомнить только шум ветра: мерзкий скрип, как будто кто-то царапал ножом осколок стекла, и тоскливое завывание, походившее на голос отчаявшегося голодного зверя.

Он шагал по длинной дороге, ведущей в никуда; было похоже, что никто до него не проходил здесь, так как в пыли не видно было следов. Небо было таким же пустым и блеклым. Джеймс не знал, ночь сейчас или день, зима или лето. Перед ним расстилалась голая серо-коричневая пустыня, а над головой раскинулось небо цвета асфальта.

И вдруг он услышал это. Ветер стремительно усиливался, вздымал с земли сухие листья и мелкие камешки. Вскоре его рев стал таким неистовым, что почти заглушал приближавшийся топот марширующей армии.

Джеймс резко обернулся. Над равниной плясали пылевые вихри. Он всматривался вдаль, не обращая внимания на жжение в глазах от попавшего туда песка. За серой стеной двигались какие-то темные фигуры, их была дюжина — нет, сотня, больше сотни. Джеймс понял лишь, что это не люди; они не шли, а летели и, казалось, составляли одно целое с бурей и ветром, а тени, клубившиеся вокруг, напоминали крылья.

Ветер яростно взвыл, едва не оглушив Джеймса, и стая призрачных существ промчалась у него над головой; от их плотной стаи веяло не просто холодом, а явной угрозой. Мало того: сквозь свист ветра и шуршание песка, подобно черной нити, вплетенной в серую ткань, пробивался злобный шепот.

— Они пробуждаются, — говорил Велиал. — Ты слышишь это, мой внук? Они пробуждаются.

Джеймс, хватая ртом воздух, выпрямился. Он не мог дышать. Он двинулся вперед, ногтями процарапывая себе путь сквозь стену из песка и тьмы, и в конце концов очнулся в незнакомом помещении. Закрыл глаза, снова открыл. Место было ему знакомо. Это была комната на постоялом дворе, которую они делили с отцом. Уилл спал на соседней кровати; Магнус занимал помещение дальше по коридору.

Он соскользнул с кровати и резко втянул воздух сквозь зубы, когда босые ноги коснулись ледяного пола. Стараясь ступать бесшумно, пересек комнату, подошел к окну и взглянул на заснеженные поля, мерцавшие в лунном свете. Они тянулись до самого горизонта, сколько мог видеть глаз.

Сны. Они вселяли в него страх: в них с детства к нему приходил Велиал. В снах Джеймс путешествовал по серому царству демона, где стал свидетелем убийств, совершенных Велиалом. Даже теперь, закрывая глаза по вечерам, он не знал, что увидит, — просто сон или какое-то новое жуткое пророчество.

Унылый черно-белый мир за окном был неподвижен, словно пейзаж на полотне. Вчера они пересекли замерзшую реку Теймар, а вечером пришлось сделать остановку, потому что начался сильный снегопад, дорогу занесло. Но это был не тот пушистый и красивый снежок, что обычно рисуют на открытках, и даже не метель, что кружит белые хлопья в бесконечном танце. У этого снега имелось направление, имелась цель, он падал на застывшую землю под острым углом, подобно нескончаемому потоку стрел.

Несмотря на то что Джеймс целый день провел, сидя на мягких подушках в карете, он чувствовал бесконечную усталость. Он с трудом проглотил немного горячего супа, потом поднялся наверх, упал на постель и мгновенно уснул. Магнус и Уилл остались в общем зале, расположившись в креслах у камина, и продолжали беседовать вполголоса. Джеймс подозревал, что они обсуждают его. Пусть обсуждают, подумал он. Ему было все равно.

Это была третья ночь после отъезда из Лондона; Джеймс, его отец и чародей были заняты поисками сестры Джеймса, Люси, которая скрылась вместе с колдуном Малкольмом Фейдом и увезла с собой труп Джесса Блэкторна, при помощи магии замедлив разложение. Она собиралась заняться темными и страшными делами, настолько страшными, что никто не решался произнести вслух их жуткое название.

Некромантия.

Самое важное, повторял Магнус, это как можно скорее добраться до Люси. Что было не так легко, как могло показаться на первый взгляд. Магнусу было известно, что у Малкольма имеется дом в Корнуолле, но никто не знал, где именно он расположен, а Малкольм оградил себя и своих спутников магическим щитом, который мешал Отслеживающей руне найти беглецов. Им пришлось прибегнуть к старинному методу: они останавливались в различных кабаках и гостиницах существ Нижнего Мира, Магнус разговаривал с местными, а Джеймсу и Уиллу было велено ждать в экипаже и не высовываться.

— Они захлопнутся, как устрицы, если догадаются, что я путешествую в компании нефилимов, — объяснил Магнус. — Ваша очередь настанет, когда мы приблизимся к жилищу Малкольма и нам придется иметь дело с Люси и хозяином.

Этим вечером он сообщил Джеймсу и Уиллу о том, что дом, по-видимому, найден и что они доберутся туда за несколько часов. Если окажется, что он ошибся, добавил чародей, они отправятся дальше.

Джеймсу отчаянно хотелось поскорее найти Люси. Не только потому, что он тревожился за сестру. Естественно, его беспокоили здоровье и благополучие Люси, но дело было еще и в том, что недавно в его жизни произошло множество важных событий. Все это он до поры до времени отодвинул, приказал себе забыть о личных проблемах до тех пор, пока не увидит сестру и не убедится, что с ней все в порядке.

— Джеймс? — Сонный голос оторвал его от размышлений. Отвернувшись от окна, Джеймс увидел,

что отец сидит в постели. — Джейми, *bach*¹, что случилось?

Джеймс пристально рассматривал отца. Уилл выглядел изможденным, густые черные волосы торчали во все стороны. Джеймсу часто говорили, что он похож на отца, и он знал, что это комплимент. Всю жизнь, сколько он себя помнил, Джеймс считал отца самым сильным человеком из всех, кого знал, самым принципиальным, способным на самую глубокую, страстную любовь. Уилл никогда не сомневался в себе. Нет, Джеймс совершенно не походил на Уилла Эрондейла.

Прислонившись спиной к холодному стеклу, он ответил:

— Просто дурной сон приснился.

— М-м-м. — У Уилла был задумчивый вид. — Вчера ночью тебе тоже снился плохой сон. И позавчера. Ты ни о чем не хочешь со мной поговорить, Джейми?

На мгновение Джеймс представил, как он изливает душу отцу, как тяжелое бремя падает с его плеч. Как он говорит о Велиале, о Грейс и браслете, о Корделии, Лилит. Обо всем.

Но он сразу же отказался от этой мысли. Он не мог вообразить, какотреагирует отец. Не мог представить, как произносит эти слова вслух. Джеймс так долго держал все в себе, что не знал теперь, как избавиться от груза своих несчастий — он мог только держаться, призывая на помощь силу воли, хранить тайну, защищать себя единственным способом, который был ему известен.

— Я просто волнуюсь за Люси, — пробормотал Джеймс. — Это ужасно, как только подумаю, во что она ввязалась...

Выражение лица Уилла изменилось — Джеймсу почудилось, что отец смотрит на него с разочарованием, но в полутьме трудно было сказать наверняка.

— Значит, иди спать, — вздохнул он. — Магнус надеется, что мы найдем ее завтра, а это значит, что нам понадобятся силы. Возможно, она вовсе не рада будет нас видеть.

¹ Дорогой (*валлийск.*).

1

Сумрачные дни

Мой Париж — страна сумрачных дней,
Золотых вечеров и огней,
Но рассветы, как лед, холодны
В колдовском полумраке аллей.

Артур Саймонс, «Париж»

Золотистый паркет блестел в свете огромной люстры. Она рассеивала по залу радужные пятнышки, похожие на снежинки на ветвях ели. Звучала приятная негромкая музыка; она стала громче, как только Джеймс выступил из толпы нарядно одетых людей и подал Корделии руку.

— Потанцуй со мной, — сказал он. Джеймс был необыкновенно красив в черном фраке; темная одежда подчеркивала цвет золотых глаз, высокие скулы. Прядь черных волос падала на лоб. — Ты так прекрасна, Маргаритка.

Корделия взяла протянутую руку. Когда он вел ее в центр зала, Корделия повернула голову и заметила их отражение в высоком зеркале — Джеймс в черном костюме, она сама рядом с ним, в алом, как рубин, бархатном платье со смелым вырезом. Джеймс смотрел на нее... нет, он смотрел поверх ее плеча, на гостей, на бледную девушку в платье цвета слоновой кости, с волосами белыми, как лепестки чайной розы. Девушка не сводила с него взгляда.

Грейс.

— Корделия!

Голос Мэтью заставил ее очнуться. У нее закружилась голова, и она вынуждена была опереться рукой о стену примерочной, чтобы не упасть. Что это было — она грезилась наяву? Видела кошмар? Грезы оказались отнюдь не такими приятными, как их обычно описывают. Видение было слишком правдоподобным, и ей стало страшно.

— Мадам Босолей спрашивает, не нужна ли тебе помощь. Разумеется, — лукаво добавил он, — я бы с удовольствием помог тебе сам, но это вызовет скандал.

Корделия улыбнулась. В приличном обществе было не принято, чтобы мужчины сопровождали дам к портнихе, даже жен или сестер. Когда они появились здесь в первый раз — это было два дня назад, — Мэтью принял свою Улыбку, и мадам Босолей позволила ему остаться в ателье с Корделией. «Она не говорит по-французски, — солгал он, — и ей не обойтись без моей помощи».

Но позволить ему остаться в фойе — это было одно. А впустить в примерочную, где Корделия только что облачилась в шикарное открытое платье из алого бархата, сшитое по последней моде... да, это было бы, действительно, воспринято как *un affront et un scandale!*¹. Особенно в таком первоклассном заведении, как салон мадам Босолей.

Корделия крикнула, что у нее все в порядке, но в этот момент в дверь постучали, и появилась одна из модисток, вооруженная крючком для застегивания пуговиц. Девушка приступила к делу, не дожидаясь указаний, — очевидно, ей уже не впервые приходилось этим заниматься. Она обращалась с Корделией бесцеремонно, как с манекеном, и всего через пару минут после того, как платье было застегнуто, бюст высоко поднят, а юбки расправлены, Корделию вывели в главный зал салона.

Помещение походило на кукольный домик, отделанный в бледно-голубых тонах с позолотой, как пасхальное яйцо, из тех, что продают весной простые люди.

¹ Оскорбление и скандал (*фр.*).

Во время их первого визита салон Корделию удивил, но, как это ни странно, очаровал. Высокие, тонкие девицы с высветленными волосами расхаживали по залу с черными ленточками на шее; на ленточках были написаны цифры, означавшие номер модели. За тюлевой занавеской были выставлены бесчисленные ткани: шелка и бархат, атлас и органза. Когда перед Корделией разложили все эти сокровища, она мысленно поблагодарила Анну за ее уроки стиля: она сразу отвергла кружева и шелка пастельных тонов и уверенно выбрала то, что точно подойдет к ее лицу и волосам. Портнихи выполнили заказ всего за два дня, и сегодня она вернулась в салон для примерки.

Судя по выражению лица Мэтью, она сделала правильный выбор. Войдя, он упал в кресло с черно-белой полосатой обивкой и позолоченными ножками и достал книжку — скандальный роман «Клодина в Париже»¹. Когда Корделия вышла из примерочной и приблизилась к тройному зеркалу, чтобы рассмотреть себя, он опустил книгу, и его зеленые глаза потемнели.

— Ты так прекрасна.

Ей захотелось закрыть глаза. «Ты так прекрасна, Маргаритка». Но она запретила себе думать о Джеймсе. Только не сейчас. Она будет думать о Мэтью, который был необыкновенно добр к ней, который одолжил ей денег на покупку одежды (ведь она сбежала из Лондона в одном платье и нуждалась в чистом белье и прочих предметах гардероба). В конце концов, напомнила она себе, они оба дали обещания. Мэтью поклялся не пить слишком много, пока они будут в Париже, а Корделия обещала не терзать себя мрачными мыслями о своих неудачах, о Люси, об отце, о распавшемся браке. За все время, что они провели во французской столице, Мэтью не прикоснулся к вину.

Корделия постаралась отвлечься от грустных мыслей, улыбнулась Мэтью и взглянула на себя в зеркало.

¹ «Клодина в Париже» (1901) — роман французской писательницы и актрисы Сидони-Габриэль Колетт (1873–1954). — *Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.*

На нее смотрела незнакомка. Платье плотно облегало фигуру, вырез открывал грудь, юбка обрисовывала очертания бедер, а потом расходилась пышными складками — силуэт девушки напоминал распутившуюся лилию на тонком стебле. Короткие рукава с рюшами обнажали руки. Черные Метки четко выделялись на смуглой коже, хотя гламор надежно скрывал их от взглядов простых людей.

По словам Мэтью, мадам Босолей, чей салон располагался на рю де ла Пэ, по соседству с прославленными модельерами — Вортом, Жанной Пакен, — была хорошо знакома с миром Сумеречных охотников. «Гипатия Векс одевается только там», — сообщил он девушке за завтраком. Прошлое мадам было окутано тайной, и Корделия считала, что это очень по-французски.

Под платьем почти ничего не было — очевидно, последняя парижская мода требовала, чтобы женская одежда подчеркивала силуэт. Упругие пластинки были вшиты непосредственно в верхнюю часть платья. На груди ткань была собрана в розетку, корсаж был украшен шелковыми цветами; из-под пышных юбок виднелось золотое кружево. Вырез на спине был еще глубже, чем на груди. Это было настоящее произведение искусства, о чем Корделия и сообщила мадам (через Мэтью в роли переводчика), пока хозяйка салона суетилась вокруг нее с подушечкой для булавок, что-то поправляя и подкалывая.

Портниха улыбнулась.

— Моя задача очень проста, — сказала она. — Мне нужно лишь подобрать достойную оправу для исключительной красоты, которой наделена ваша супруга.

— О, эта дама вовсе не моя супруга, — сообщил Мэтью, сверкнув зелеными глазами. Ничто не доставляло Мэтью большего удовольствия, чем скандальные высказывания.

Корделия, повернувшись к нему, сделала грозное лицо.

Надо отдать мадам должное — она даже бровью не повела. Может быть, дело было просто в том, что они находились во Франции.

— *Alors*¹, — продолжала она. — Мне редко придется одевать женщин, обладающих такой редкостью и естественной красотой. Парижская мода создается для блондинок, но блондинкам нельзя носить такие цвета. Это цвет крови и огня, слишком яркий для бледной кожи и бесцветных волос. Светловолосым женщинам подходят кружева и пастельные тона, но мисс?..

— Мисс Карстерс, — подсказала Корделия.

— Мисс Карстерс выбрала именно ту ткань, которая лучше всего сочетается с ее волосами и цветом лица. Когда вы войдете в гостиную, *mademoiselle*, взгляды всех мужчин устремятся к вам, как мотыльки к пламени свечи.

Мисс Карстерс. Корделии недолго довелось побыть миссис Корделией Эрондейл. Она знала, что нельзя привязываться к этому имени. Расставаться с ним было больно, но она немедленно взяла себя в руки. Она не поддастся постыдной жалости к себе. Она — Карстерс, Джаханшах. В ее жилах течет кровь древнего героя Рустама. Если ей захочется, она будет одеваться в пламя.

— Такое платье заслуживает украшения, — задумчиво произнесла мадам. — Ожерелья из рубинов, оправленных в золото. Эта штучка прелестна, но слишком мала. — Портниха кивнула на крошечную золотую подвеску, блестящую в вырезе платья. Миниатюрный земной шар на тонкой золотой цепочке.

Это был подарок Джеймса. Корделия знала, что следует снять украшение, но была еще не готова. Почему-то ей казалось, что это будет означать окончательный разрыв, а это серьезнее, чем перечеркивание брачной руны.

— Я бы охотно накопил ей рубинов, если бы Корделия мне позволила, — сказал Мэтью. — Увы, она отказывается.

Мадам была озадачена. Она явно решила, что Корделия — любовница Мэтью. Но тогда с какой стати она

¹ Итак (*фр.*).